

БОЛГАРСКИЕ БОГОМИЛЫ И РУССКИЕ СТРИГОЛЬНИКИ

Ю. К. Бегунов (Ленинград)

К постановке вопроса. С конца IX по XIV в. включительно Болгария была центром оживленного еретического движения-богомилства, оказавшего влияние на антифеодалные выступления в ряде стран Европы. ~~С конца IX по XIV в. включительно Болгария была центром оживленного еретического движения — богомилства, оказавшего влияние на антифеодалные выступления в ряде стран Европы:~~ в Боснии и Италии (патарены и катары), во Франции (бугры, катары, вальденсы). Осталась ли Россия в стороне от богомилства? Известно, что на Руси имели хождения во многих списках как апокрифы, которые читали и распространяли богомилы („басни и кощуны“ попов Иеремии и Богомила), так и противобогомилская полемическая литература („Беседа на новоявившуюся ересь Богумилу“ Козмы Пресвитера и многочисленные отрывки и компиляции из нее, Жития Феодосия Тырновского и Илариона Мыгленского, „Синодик царя Борила“, „Паноплия догматика“ Евфимия Зигавена и др.). Русский писатель XVI в. князь А. М. Курбский признавал: „у нас ани десятыя части книг учителей наших древних не преведено лености ради и нерадения властей наших, бо нынешнего веку мнящиися учителя больше в болгарские басни, або паче в бабские бредни упражняются, прочитают и похваляют их, нежели в великих учителей разумех наслаждаются“.

Однако эти факты, взятые сами по себе, еще не доказывают существование богомилской идеологии как системы на Руси. Впрочем, эти же факты не опровергают гипотезу о возможной известности учений богомилов. Хотя об отзвуках богомилства на русской почве (см., например, рассказ о восстании волхвов в „Повести временных лет“ под 1071 г., рассказ Киево-Печерского патерика о Никите Затворнике, свидетельства Никоновской летописи под 1004 и 1123 г. о еретиках Адриане и Дмитре и др.) уже писали многие (Ф. И. Успенский, Ф. И. Ильинский, Д. И. Оболенский, Д. А. Казачкова, О. Г. Жужанадзе, Е. Эйхлер, Я. Полакова, Д. Ангелов и др.), до сих пор остается неясным, было ли влияние богомилства на русские ереси XIV—XVI вв. существенным, и особенно на ересь стригольников¹.

¹ Значение термина „стригльник“ до сих пор до конца не разгадано. Это не самозвание ереси, так как еретики сами себя называли „праведными“, „чистыми“, „правовверными“, „христианами“, а прозвание ее в народе происходит либо от профессии ересиарха Карпа, стригаля сукна или цирюльника, либо от обряда пострига — посвяще-

Старая гипотеза Ф. И. Успенского о возможном влиянии богомилства на стригольничество до сих пор не прервана; в научной литературе она квалифицируется как „крайне субъективное истолкование данных о русской секте“ (А. Д. Седельников), как „предвзятая и избыточная натяжка“ (Н. А. Казакова)². Попытаемся снова обратиться к ней. Напомним, что существо гипотезы Ф. И. Успенского состоит в следующем: в основе социального протеста стригольников лежат религиозно-философские метафизические воззрения на началах дуализма, следы которых усматриваются в современных стригольникам источниках: в „Почуении“ Стефана Пермского и „Послании“ митрополита Фотия. Со времени Ф. И. Успенского круг известных источников по истории стригольничества не изменился. Это 1) известие о борьбе с ересью в „Житии“ и „Похвальном слове“ новгородского архиепископа Моисея (1352—1359), написанных Пахомием Сербом около 1470 г.; 2) сообщение Новгородской 1-й летописи младшего извода (свода 1430-х годов) о расправе с еретиками в Новгороде в 1375 г.; 3) шесть обличительных посланий против стригольников константинопольского патриарха Нила (ок. 1382 г.), поучение Стефана Пермского (ок. 1386 г.); 4) грамоты митрополита Фотия во Псков 1416—1427 гг.³

Среди источников нет ни одного сочинения самих еретиков, что значительно затрудняет восстановление системы взглядов русских еретиков. Все это произведение, вышедшее из рук злейших врагов стригольников — высших церковных сановников Константинополя, Москвы, Новгорода и Перми.

Внешняя история и социальная сущность ереси стригольников как одной из форм антицерковной борьбы весьма обстоятельно изучены Н. А. Казаковой и А. И. Клибановым⁴. Выяснено, что ересь поя-

ния в еретическую секту. (А. В. Поппэ. Еще раз о названии новгородско-псковских еретиков стригольниками. — В.: Культура Древней Руси. Посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966, 204—208 и др.)

² Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М.-Л., 1955, с. 11; Ф. И. Успенский. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892, 378—388. Мысль о связи богомилства со стригольниками высказывалась еще ранее Н. И. Костомаровым: „Быть может эти представления зашли в древнюю Русь через влияние болгарской секты богумилов, составляющих почти одно и то же с мессальянскую, а может быть образовались и позже при всеобщем брожении умов“ (Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Отд. 1, вып. 2. XI—XVI столетия. СПб., 1874, с. 319, прим. 1). Ему возражал А. И. Никитский, считавший, что стригольничество „положило начало на Руси самородному религиозному мудрствованию“ (А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879, с. 148).

³ Изд. текстов см.: Памятники старинной русской литературы, изд. Гр. Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 11, ПСРЛ, т. 4. СПб., 1848, с. 72; Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Указ. соч., прил., с. 230—255.

Приписываемые некоторыми исследователями стригольнической книжности „Измарагд“, „Златая чепь“, „Власфимия“, „Трифоновский сборник“, „Слово о лживых учителях“ (Н. П. Попов, А. Д. Седельников, А. И. Клибанов) в действительности стригольникам не принадлежат.

⁴ Н. А. Казакова. Идеология стригольничества — первого еретического движения на Руси. — ТОДРЛ, 11, 1955, 103—117; Новгородско-псковская ересь стригольников XIV—XV вв. — В.: Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, 34—73; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960, 118—136. По поводу этих работ известный исследователь богомил-

вилась около середины XIV в. в Новгороде, в 1375 г. была осуждена новгородским владыкой Алексеем, а три ее руководителя, в том числе дьяконы Карп и Никита, сброшены с Великого моста в Волхов. Однако движение не прекратилось, оно возродилось в начале XV в. во Пскове, где просуществовало до конца века (чернец Захар псковского Немчинова монастыря).

Основные положения учения новгородских еретиков XIV в. реконструированы на основе критического пересмотра источников Н. А. Казаковой и сводятся к следующему: „Критика стригольниками православной церкви направлялась по двум линиям: по линии ее теории — отрицались важнейшие церковные догматы, и по линии ее практики — отрицались организационные принципы православной церкви, подвергалась осуждению недостойная жизнь духовенства“⁶.

Самая выразительная черта в учении стригольников — отрицание всей церковной иерархии как поставленной „по мздь“. Казалось бы, в этом основное их отличие от всех прежних ересей, в том числе и от богомилов. Однако болгарские еретики так же, как и их русские собратья, выступали против поставления священников „по мздь“, называя его „вторым идоложретьем“⁶; однако „мздоимство“ осуждалось богомилами не специально, а в числе многих других скверн официальной церкви.

ства Д. Ангелов замечает: „За съжаление обаче авторите не са обърнали внимание на сходството между двуете социално-религиозни учения по този въпрос, тъй като те изобщо не търсят паралелите между богомилството и стриголничеството“, и далее: „Това са трудове, в които се прави много добър анализ на условията в руското общество през разглеждания период, създали необходимата почва за разпространението на антицърковни и антифеодални настроения и възгледи. . . Тази „автохтонност“ не означава обаче, по мое мнение, че между ересите през разглеждания период и българското богомилство не съществува никаква връзка и че то не е изиграло каквато и да е роля при тяхното създаване. Подобно схващане не е правилно, още повече като се има пред вид явното сходство между редица богомилски възгледи и възгледите, разпространявани от стриголниците и други близки на тях социално-религиозни мислители в Русия през XIV—XVI век. В посочените трудове на Н. А. Казакова, Я. С. Лурье и А. И. Клибанов на това обстоятелство не е обърнато нужното внимание и поради това у читателя се създава впечатление за едно непълно изолирано възникване на ересите на руска почва без връзка с предишни сродни течения в други страни и по-специално в средновековна България.“ (Д. Ангелов. Богомилството в България, 3 изд. С., 1969, с. 221, прил. 16, с. 439, прим. 32).

⁶ Н. А. Казакова. Идеология стригольничества..., с. 106. Вслед за Н. И. Костомаровым, А. И. Никитским, И. И. Малышевским ленинградская исследовательница полагает, что стригольников возможно разделить на три толка: левый, правый и средний (см. Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . ., с. 63 и далее). Однако в источниках мы не нашли каких-либо данных для такого деления. Известно, что греку-митрополиту Фотию, не выезжавшего из Москвы во Псков в 1410—1427 гг., удалось из вторых рук собрать лишь кое-какие сведения об учении еретиков и передать их в своих 4-х посланиях в такой форме: „А что ми пишете, что суть у вас таковыи. . .“, „Что есмь, сынове, прежде слышав от ваших послов, что деи некотории суть в вас от супостата врага диавола. . .“, „А что ми пишете, что котории попи. . .“, „И как ми пишете о тех помрачении. . .“. Противопоставлять одну из этих фраз другой невозможно, так же как невозможно объяснить каждую из них отдельно „результатом эволюции ереси“. Митрополит Фотий, так же как и епископ Стефан, имел в виду одну и ту же ересь, достигшую полного развития в Новгороде в середине 70-х гг. XIV в. и затем перенесенную в том же самом виде во Псков.

⁶ Ср. в „Беседе“ Козмы Пресвитера в „Слове о епископѣхъ и о попѣхъ“: „Како бо слово боже правити са хочеть грубомъ и невѣдущемъ закона ставивомъ законодателемъ многожды по мздь, еже есть второе идоложретье“. (См.: Ю. К. Бегунов. Козма Пресвитер в славянских литературах. С., 1973, тексты, с. 388.).

Несомненно, что в основе отрицания богомилами иерархии и обрядов официальной церкви лежало позитивное учение — сложная философско-религиозная доктрина. Позитивное учение имели и стригольники, ибо ни одна средневековая ересь не могла существовать без философско-религиозной основы, последовательное приятие которой помогало еретикам „совлечь покров святости“ с общественных отношений, чтобы на них возможно было нападать⁷. Попытаемся выяснить, насколько позволяют нам источники, в чем состоит сходство и различие обеих ересей.

Церковная организация еретиков. Реконструкцию позитивного учения стригольников Н. А. Казакова совершенно справедливо начинает с попытки установить, существовали ли у стригольников какие-либо принципы церковной организации, и приходит к интересному выводу: стригольники мыслили структуру истинной церкви как совокупность общин во главе с учителями из простого народа. Высокая образованность, чистота и строгость нравов в жизни, справедливость, нестяжательность, неуклонное соблюдение постов и простых молитвенных обрядов в сочетании с активным характером личного поведения были обязательными как для учителей „истинных христиан“, так и для их последователей⁸.

Всеми же этими чертами характеризуются воззрения богомилов о „совершенной церкви“: во главе их общин стояли „деды“ или „дедцы“ с помощниками, принцип личной правоспособности учительства неуклонно соблюдался, высокая образованность и нравственная чистота, правдивость были обязательны для всех трех категорий богомилов — „совершенных“, „верующих“ и „слушателей“⁹. Из обрядов стригольников Н. А. Казакова, как и Ф. И. Успенский, обращает внимание на таинство исповеди: „Еще же и сию ересь прилагаете, стригольницы велите земли каяться человеку“, — пишет Стефан Пермский¹⁰. Ф. И. Успенский не без оснований усматривает у стригольников тот же самый обряд публичного покаяния, что и у богомилов: „Здесь мы должны видеть один из внешних признаков исповеди, который могли наблюдать все желающие, так как и исповедь совершалась публично под открытым небом. Таким образом, православные могли заметить внешнюю форму без внимания ко всему прочему. У богомилов отмечена следующая форма исповеди. В присутствии диакона один из кающихся произносил следующую формулу: „Мы пришли исповедать наши грехи перед богом и перед тобой, ибо мы много согрешили словом, делом, зрением, мыслями“; при произнесении этой формулы все кающиеся склонялись к земле. Затем диакон произносил освободительные от грехов слова. Весьма вероятно, что в наших обличительных сочинениях правильно передан внешний обряд преклонения к земле, но неправильно отождествлен с исповедью¹¹.

Н. А. Казакова так же, как и Ф. И. Успенский, считает, что „на самом же деле. . . содержание этого обряда составляла не исповедь земле

⁷ Ср.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., Т. 8, с. 128.

⁸ Н. А. Казакова. Идеология стригольничества. . ., 110—112; Новгородско-псковская ересь. . ., 50—52.

⁹ D. Obolensky. The Bogomils. A Study in Balkan Neo-Manichaeism. Cambridge, 1948, 133—134; Д. Ангелов. Указ. соч., 311—342.

¹⁰ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Указ. соч., прил. с. 241.

¹¹ Ф. И. Успенский. Указ. соч., с. 387.

обладающей функциями божества, а богу, присутствующему везде в природе", и что этот обряд был не полуязыческим, а стихийно-пантеистическим в своей философско-религиозной основе¹². Очевидно, что у богомилов и у стригольников он был одинаков.

Философско-религиозное учение. Богомильские воззрения о „совершенной церкви“ покоились на религиозно-философском дуалистическом учении. Об этом свидетельствует „Тайная книга“ и другие богомильские источники¹³. Любопытно, что Ф. И. Успенский первый заметил у стригольников следы дуалистического воззрения¹⁴. В „Послании“ 1427 г. митрополита Фотия во Псков мы читаем следующее: „А как мы пишете о тех помрачении, что как тие стригоници, отпадающе от бога и на небо взирающе беху, тамо Отца себе наричают: а понеже бо самых того истинных еуаггельских благовестей и преданей апостольских и отеческих не верующе, но како смеют от земли к воздуху зряще, Бога-отца себе нарицающе, и како убо могут отца себе нарицати? А убо ослепи их помрачение их. А весте, еже не агелы бог сведу роду человеческому на исправление, но человек достоверных, святителей и архиереи постави, и иереи, и свою власть от апостолов тем дарова; и се пакы и по божественному писанию весте от апостол, еже бо гнаша на небеси и на земли. И котории тие стригольници от своего заблужения не имут чисте веровати православия истинаго, ни к божьим церквам, к небу земному не имуть быти прибегающе, и на покаяние к своим отцем духовныя не имуть приходить. . . удаляйте себе от тех“¹⁵.

Как показал Ф. И. Успенский, из слов Фотия становится очевидным, что стригольники „признавали богом не творца неба и земли, а небесного отца“¹⁶. Н. А. Казакова считает рассуждение Ф. И. Успенского „натяжкой“, полагая, что в данном случае речь идет о пантеистических воззрениях еретиков, а не о дуалистических¹⁷.

Возражая Н. А. Казаковой, А. И. Клибанов полагает, что „вряд ли мы имеем здесь дело с пантеистическими представлениями о боге как некоей силе, растворенной в природе. Во всяком случае, не с этим спорит Фотий. Он не отвергает критикуемое положение само по себе. Пусть люди „нарицают“ бога в качестве своего небесного отца. Но бог является отцом только для тех людей, которые придерживаются „преданий евангельских и апостольских и отеческих“, т. е. для христиан, исповедывающих

¹² Н. А. Казакова. Идеология стригольничества. . . , 112—114; Новгородско-псковская ересь . . . , 52—55.

¹³ Д. Оболенску. Указ. соч., 122—145; Д. Ангелов. Указ. соч., 166—310.

¹⁴ Ф. И. Успенский. Указ. соч., с. 384. С ним согласились М. Н. Сперанский и Д. И. Оболенский (М. Н. Сперанский. История древнерусской литературы. Т. 2, изд. 3. М., 1921, с. 52; Д. Оболенску. Указ. соч., с. 279).

¹⁵ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Указ. соч., прил., с. 254.

¹⁶ Ф. И. Успенский. Указ. соч., с. 384.

¹⁷ Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . . , с. 11. В последнее время Г. М. Прохоров высказал предположение, что стригольники, подобно караимам и „жидовствующим“, были монотеистами и что стригольничество XIV—XV вв. — это „след первого влияния караимства в северной Руси“. (См.: Г. М. Прохоров. Прение Григория Паламы с хионы и турки“ и проблема „жидовская мудрствующих“. — ТОДРЛ, 27, 1972, с. 356).

христианство в строгих рамках церковной традиции (и отеческих). Помрачение стригольников состоит не в том, что они, воззрев на небо, „там отца себе нарицают“, а в том, что делая это, они в то же время не придерживаются церковно-исторической традиции. В чем же конкретно обходят „помраченные“ церковно-историческую традицию? В том, что они признают бога только на небе, лишь на небе, но для Фотия „бог наш на небеси и на земли, т. е. и в церкви“. Суть спора, который ведет Фотий, состоит именно в утверждении божественности земной церкви, а не в отрицании за верующими права „нарицать“ бога на небе¹⁸. Добавим только, что признание еретиками бога на небе — неизбежное следствие дуалистического взгляда на мир, согласно которому все духовное, доброе, принадлежит богу, а материальное, злое, — дьяволу (Сатанайлу). Богомилы учили, что дьявол — это отпавший ангел, изгнанный богом-отцом с седьмого неба и сохранивший частицу творческой силы. Он создал землю и новое небо, растения, животных и человека. Царство же Бога-отца осталось на седьмом небе. К нему-то обращались своим мысленным взором под открытым небом „на распутиях и ширинах градных“ еретики.

В отличие от православных стригольники, как и богомилы, были монотеистами, раз они признавали одного Бога-отца, не веруя в евангельское благовестие и утверждая, что исправление человеческого рода осуществляет сам Бог-отец через своих ангелов¹⁹. Таким образом посредничество церкви в деле спасения душ людей оказывается для „истинных христиан“ излишним, ненужным. Именно такого мудрствования более всего боялась официальная церковь и на Руси, и на Балканах.

В последнее время искусствовед Т. А. Сидорова обратила внимание на почти дословное совпадение аргументации митрополита Фотия „с возражением болгарским богомилам Феодосия Тырновского, который на вопрос „откуда дерзаете глаголати два начала суть, одно убо благо, другое же зло?“ — отвечал: „Там же небу и земли и всей твари хитрец и содетель есть бог“. Эти и иные сопоставления позволяют с большой долей вероятности предположить, что в основе религиозных и философских воззрений русских стригольников лежало то же дуалистическое миропредставление, что и у болгарских богомилов и многих других родственных им сект²⁰.

¹⁸ А. И. Клибанов. Указ. соч., с. 168.

¹⁹ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Указ. соч., прил., с. 254. Ср.: Д. Оболенскую. Указ. соч., 122—127; Д. Ангелов. Указ. соч., 178—180; Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . ., 66—67; К. Опасч. Andrej Rublev. Byzantinisches Erbe in russischer Gestalt. — In: Akten des XI. Internationalen Byzantinisten Kongresses, 1958. München, 1960, p. 428.

Антитринитарские стригольнические тенденции проявились в новгородской иконе XIV в. „Отечество“ и в одной Волоотовской фреске (В. Н. Лазарев. Об одной Новгородской иконе и ереси антитринитариев. — В: Культура древней Руси. посвящается 40-летию научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966, 101—112; то же в кн.: В. Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970, 279—291; Т. А. Сидорова. Волоотовская фреска „Премудрость созда себе дом“ и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в. — ТОДРЛ, 26, 1971, 212—231.

²⁰ Т. А. Сидорова. Указ. соч., 227—228; Ср.: Житие и жизнь преподобного отца нашего Феодосия, иже в Тернове постничествовавшего, ученика суша блаженнаго Григория Синаита. Списано святейшим патриархом Константина града кир Каллистом. (Изд. О. М. Водянский). — ЧОИДР. М., 1860. Кн. I, отд. III, л. 6

Таинство евхаристии и апокриф „о древь разумнѣмь добру и злу“. В „Поучении“ Стефана Пермского сохранилось любопытнейшее свидетельство о философско-религиозном мотиве отрицания еретиками таинства обряда причащения. Это рассуждение о „древѣ животнѣмь“ и о „древѣ разумнѣмь“. Первое, растущее посреди рая, было, источником жизни и хранителем божественной благодати (см. кн. Бытия ²⁹, 3₂₃). Второе — „древо разумное“ — было источником знания. „Стригольник же противно Христу повелеваетъ, яко от древа животнаго от причащения удалитися, яко древо разумное показая им писание книжное, еже и списа на помощь ереси своей, дабы чем восставить народ на священнический чин, — пишет Стефан Пермский²¹. Заметим, что церковный полемист связывает распространение ереси от Карпа дьякона с особым толкованием философского учения о „древѣ разумнѣмь“²²

В одной своей работе Н. А. Казакова полагает, что „эту аргументацию можно интерпретировать, как нам кажется, лишь в одном смысле: стригольники отрицали причастие как действие, необъяснимое с точки зрения разумности. . .“²³. В другой работе Н. А. Казакова высказывает мысль, что „этим сравнением. . . подчеркивается, что учение стригольников было проникнуто критическим рационалистическим духом, что к догматам веры они подходили с меркой разума, пытаясь познать добро и зло, отделить истинное от неистинного“²⁴.

А. И. Клибанов рассуждает иначе: „Что по Стефану Пермскому было наиболее еретическим в стригольничестве?“ — спрашивает он, и отвечает: „Противопоставление ими „древа познания“ „древу жизни“. По Стефану Пермскому стригольники есть порождение дьявола, который „ныне“ воздвиг ересь на правоверие, подобно тому, как во времена праотцев правоверию древа жизни он противопоставил зловерие древа познания, ныне же дьявол вручил древо познания стригольникам“²⁵.

Н. А. Казакова и А. И. Клибанов согласны в том, что „писание книжное“ — это письменное изложение учения еретиков.²⁶ Но А. И. Клибанов идет дальше Н. А. Казаковой, поясняя, что, „Писание книжное“, сочиненное стригольниками в обоснование своих взглядов („на помощь ереси своей“), состояло из евангельских и других священных текстов, нарочито подобранных и истолкованных, чтобы укорить ими церковь“²⁷.

Попытаемся продолжить интересные рассуждения А. И. Клибанова. Не исключено, что это „писание“ представляло собой апокриф „о древь

²¹ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Указ. соч., прил., 237—238.

²² Там же, с. 236.

²³ Н. А. Казакова. Идеология стригольничества. . . , с. 110.

²⁴ Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . . , с. 47.

²⁵ А. И. Клибанов. Указ. соч., с. 129.

²⁶ Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . . , А. И. Клибанов. Указ. соч., с. 130.

²⁷ А. И. Клибанов. Там же, 130—131. Первым на этот факт обратил внимание еще Н. И. Костомаров. (См.: Н. И. Костомаров. Севернорусские народоправства. Т. II. СПб., 1863, с. 439). Вслед за ним И. И. Малышевский допускал, что „это писание. . . представляло выбор и свод текстов Священного писания на предметы сектантского учения“. (См.: И. И. Малышевский. О зарождении религиозных сект в России с рационалистическим направлением. — ТКДА. Киев, 1883, декабрь, с. 663).

разумнѣмъ добра и зла“ с толкованием. Его содержание можно было бы гипотетически восстановить на основе следующих источников: „Слова о Адамѣ и древѣ разумнѣмъ добра и зла“²⁸; „Слова Еремѣя прозвитера, еже о древѣ честнѣмъ и о извѣщеніи святаго троици“ (или так называемый апокриф „о крестномъ древе“²⁹; „Откровения Варухова“³⁰; „Тайной книги“ или „Вопрошания Иоаннова“³¹; „Беседы“ Козмы Пресвитера³²; „Написания“ мниха иерусалимскаго Афанасія к Панку³³.

Первые три — народно-христианские добогомилские апокрифы, имевшие широкое хождение в богомилских кругах. „Тайная книга“ — основной источник богомилских мудрований, в том числе и „о крестномъ древе“. „Беседа“ пресвитера Козмы содержит обличение речей попа Богомила и его единомышленников „о крестномъ древе“, о существе добра и зла и т. п. „Написание“ — это предостережение болгарину Панку не верить еретическому истолкованию апокрифа „о крестномъ древе“³⁴.

В апокрифе „О древѣ разумнѣмъ добра и зла“ рассказывалось о виноградномъ дереве, посаженномъ Сатанаиломъ в райскомъ саду; от лозы этого древа Сатанаил изготовилъ вино, выпивъ которое Адамъ и Ева совершили грехопадение и были изгнаны изъ рая; сынъ Адама Сифъ принесъ отрасль этого древа изъ рая отъ архангела Михаила, посадилъ ее на венце умирающаго отца; поросль отъ венца Адамовой головы была высажена Моисеемъ близъ реки Мерры, и отъ нее произрасло крестное дерево — орудіе, измышленное дьяволомъ противъ спасителя; позднее это дерево было распилено на три части и на нижней изъ нихъ распятъ Иисусъ Христосъ, а на двухъ другихъ — разбойники. Можетъ ли это дерево быть любимомъ богом-отцомъ, если на немъ погибъ его сынъ? — вопрошали еретики, и отвечали, что, конечно же, не можетъ. Христосъ своею волею, не за спасение человѣческое принялъ мученическую смерть, а по принужденію. Потому и кресту бессмысленно поклоняться и целовать его подобно тому, какъ нелепо поклоняться ослу, на которомъ Иисусъ въѣхалъ въ Иерусалимъ, и лобызать этого осла.

Такимъ образомъ, гипотетически восстанавливаемый нами апокрифъ содержалъ философски-религиозное на началахъ дуализма объясненіе исторіи греховности человѣческаго рода, весьма отличное отъ ученія официальной Церкви; онъ, очевидно, былъ направленъ противъ основныхъ догматовъ православія. Если бы подобнаго этому еретическаго „писанія“ не существо-

²⁸ Читается в Толковой палее и в Златоусте полного извода X в. болгарскаго царя Симеона (гл. 49). Изд. текста см.: И. Порфирьевъ. Апокрифическія сказанія о ветхозаветныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки. — СОРЯС имп. АН. Т. 17, 1877, № 1, 205—206.

²⁹ Известно в русскихъ и южнославянскихъ спискахъ с начала XIII в. Изд. текста см.: М. Соколовъ. Материалы и заметки по старинной славянской литературѣ. Вып. I. I—V. М., 1888, 84—107.

³⁰ Известно в русскихъ и южнославянскихъ спискахъ с XIII в. Изд. текста см.: Й. Ивановъ. Богомилскіи книги и легенди. С., 1925, 193—200.

³¹ Известно в двухъ латинскихъ спискахъ XII и XIV вв. Изд. текста см.: Й. Ивановъ. Указ. соч., . . ., с. 73—87.

³² Написана в Восточной Болгаріи около 970 г. Изд. текста см.: Ю. К. Бегуновъ. Указ. соч., тексты, 297—392.

³³ Более старыи текстъ см. в Новгородской кормчей 1283 г. Изд. текста см.: А. Н. Веселовскій. Разысканія в области русскогосудовнаго стиха. VI—X. СПб., 1863, с. 396.

³⁴ Современный обзоръ апокрифической литературы см.: Е. Георгиевъ. Литература на изострени борби в средновековна България. С., 1966, 75—161.

вало, то обличителям стригольников незачем было сообщать о нем, незачем было страшиться, что этим „писанием“ еретики привлекали к себе людей, незачем было создавать в конце XIV в. компиляции против опасных речений „последователей попа Богомила. Так, около 1375 г. суздальский книжник Дорофей по благословению суздальского архиепископа Дионисия составил компиляцию „О Богомилъ попъ“ на основе „Беседы“ Козмы Пресвитера, причем были выбраны самые известные высказывания попа Богомила „о крестном древе“, против причастия и литургии³⁵. Компиляция вошла в состав русской „Кормчей“ книги в 110-главах с Мерилом праведным 2-й редакции и распространилась во многих списках. Может быть, эта статья служила священникам в качестве руководства для распознавания богомильских мудрований на Руси.

Выводы. Итак, отмеченное выше сходство между учениями богомилов и стригольников можно было бы охарактеризовать как типологическое. Оно проявилось, во-первых, в подобии религиозно-философских дуалистических воззрений, во-вторых, в подобии взглядов на роль и значение „совершенной церкви“, в-третьих, в сходной критике основ православной церковной организации и культа, в-четвертых, в использовании для пропаганды своего учения апокрифа „о древь разумнѣмь добра и зла“.

Между двумя ересями наблюдается не только сходство, но и различие, ясно видимое в их специфической окраске и социальном составе участников: приверженцами богомилов были, в основном, жители сельской местности, сторонники стригольников жили в городах.

Было ли это типологическое сходство результатом подобия социально-экономического и политического процессов на Руси и в Болгарии, или же оно было результатом прямого или косвенного воздействия одной ереси на другую? Трудно сказать. Разумеется, нельзя игнорировать известное сходство исторических условий на Балканах и в Восточной Европе, ибо каждому определенному уровню феодализма соответствуют те или иные формы классово-борьбы. Н. А. Казакова, развивая тезис академика Б. А. Рыбакова — „не заимствование, а сходство социальных условий породило и там и здесь одинаковые явления“, — не допускает мысли о возможности влияния богомильства на стригольничество³⁶. Однако, во-первых, далеко не во всех случаях, когда между двумя явлениями зафиксировано типологическое сходство, следует отказываться от всякой попытки объяснить это сходство иными причинами, чем простое подобие условий; во-вторых, допуская, что русские еретики основывались не только на русской, но и на византийско-болгарской религиозно-философской образованности, мы тем самым несколько не принижаем их „самобытности“; в-третьих, не отрицая, что „философские идеи стригольников своими корнями уходят в русский посад“³⁷, где „развитая торгово-ремеслен-

³⁵ См.: Ю. К. Бегунов. Указ. соч., 50—58. Изд. текста см. там же, тексты 421—424.

³⁶ Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . ., с. 12—13. Ср.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. — Антирелигиозник. М., 1934, № 3, 32—33.

³⁷ Здесь и далее слова, заключенные в кавычки, принадлежат Н. А. Казаковой. (См. Н. А. Казакова. Новгородско-псковская ересь. . ., с. 56).

ная деятельность посадского населения способствовала проявлению личной инициативы, подчеркиванию значения человеческой личности“, а „высокий уровень городской культуры создавал необходимые предпосылки для развития критического мышления и появления пантеистических мотивов“, мы полагаем, что религиозно-философское учение стригольников не возникло на пустом месте, без критической переработки еретического наследия Византии, Востока и южных славян. Исследование идеологии стригольничества из-за фрагментарного состояния источников не завершено. Оно будет продолжаться, и тогда исследователям в числе гипотез может пригодиться и гипотеза Ф. И. Успенского.

Далеко на север и северо-восток от Балкан легли необозримые просторы русских равнин со многими городами, среди которых Новгород и Псков были форпостами русской вольницы. Удивительно, что именно отсюда смелые борцы против феодального строя и обличители официальной церкви — стригольники как бы протягивали руки к своим братьям на Балканах — богомилам, чей выдающийся вклад в сокровищницу мировой культуры никогда не может быть забыт.